

УДК 124.2 : 130.122

DOI: 10.29039/2413-1695-2024-10-4-29-45

О СМЫСЛЕ, ЕГО ГЕНЕЗИСЕ И СУЩНОСТНЫХ СВОЙСТВАХ

Гарипова Н. М.

Аннотация: В статье исследуется смысл в ряде его проявлений, представляющих интерес для разных наук; рассматривается генезис смысла в филогенезе и этапы становления смыслового феномена в онтогенезе. Исследование смысла как явления темпорального обеспечило: обнаружение различий в объективации смысла, детерминируемых целями и задачами деятельности; уточнение некоторых аспектов отношения между смыслом и значением; выявление приоритета первого над вторым; экспликацию роли «буквы» и «цифры» в информационных процессах, вовлекающих в свою орбиту искусственный интеллект и вступающих в противоречие с природой смысла как явления не только понимаемого, но и переживаемого. Рассмотрение механизма смыслового феномена позволило увидеть ряд его сущностных свойств, а также выделить его объектный и субъектный элементы – информацию, которая объективируется и передается другим. Эта информация может сообщаться благодаря условным знакам (с их гласной конвенциональностью), или/и психофизиологически транслироваться (обуславливая эмпатию и партиципацию в смысловом феномене). Понимание закономерностей смыслогенеза способствует разработке образовательных технологий, культивирующих человеческое в человеке при освоении ценного опыта человечества, и задающих тренд духовного совершенствования общества.

Ключевые слова: значение как объективация смысла; значение как инструмент выражения смысла; объектный и субъектный компоненты смыслового феномена.

Смысл – одна из самых понятных и в то же время неясных категорий философии. Понятность смысла связана с тем, что человек всегда способен осознать, понимает он или нет содержание, целесообразность, назначение и пр. сказанного, сделанного, увиденного, связывая это уразумение со смыслом. Возникает же это понимание-уразумение благодаря осознанию взаимодействия элементов смыслового контекста, порождающему то, что Делёз назвал Событием и без чего смысл является «несуществующей сущностью» [1, с. 11]. Неясность категории смысл открывается при попытках дать ей объяснение и описать её содержание, выявляя имманентные смыслу измерения.

Семантическое же поле слова смысл достаточно широкое, что обусловлено использованием этого понятия в самых разных ситуациях и по отношению к самым разным объектам, явлениям, процессам и пр., попадающим в сферу тех или иных интересов и потребностей субъекта. И это свойственно не только русскому языку [2]. В связи с этим возникает вопрос о сущностных свойствах смысла, проявляющихся при его объективации и постижении. Поскольку смысл вездесущ, а потому многолик в его

частных проявлениях, о последних говорить проблематично. И всё же имеются основания выделить некий «общий знаменатель», который обнаруживается при исследовании генезиса смыслового феномена.

Цель статьи – выявить механизм генезиса смыслового феномена, эксплицировав сущностные свойства смысла, присущие его разным ипостасям, что позволит глубже понять исследуемое явление. Понимание механизма смысловых процессов в конечном счёте служит пониманию человеком самого себя, Другого, своих отношений с миром и особенностей освоения опыта человечества. Выявление сущностных свойств смысла способно помочь выстраиванию адекватных образовательных технологий, пониманию места и роли искусственного интеллекта в обучении и воспитании подрастающих поколений.

Исследование проблемы базируется на принципе дополнительности, сформулированном Н. Бором в начале XX века. Данный принцип ориентирует на рассмотрение изучаемого объекта с позиций различных областей знания.

Движение к поставленной цели потребовало рассмотреть глубинные истоки смысла в филогенезе и отношения между смыслом и значением. Осуществлённое в указанных ракурсах исследование позволило выявить следующие сущностные свойства смыслового феномена: понимаемость, переживаемость, темпоральность, целостность, отражение отношений. Это те свойства смысла, которые наиболее очевидны и лежат на его поверхности, а потому перечень их не следует считать закрытым.

Значение как превращённая форма смысла и инструмент его означивания

Имеется много оснований ставить знак равенства между смыслом и значением, и не меньше оснований – различать их. В самом деле, в своей повседневной жизни мы весьма часто пользуемся словами смысл и значение как синонимами. Нечто подобное можно наблюдать и в научных текстах. Однако в логике и аналитической философии изначально имело место чёткое разграничение этих понятий. Значение связывалось с объективным содержанием понятия, вербального высказывания, а смысл интерпретировался как субъективное представление об этом содержании. Наиболее явно это различие выступало в случае логической ошибки, что служило причиной связывать смысл с субъективно-отрицательными моментами [3]. Имело место и иное основание различать смысл и значение. Так, Г. Фреге ввел в научный обиход понятие «понятийное (отвлечённое) содержание», которое свободно от каких-либо психологических моментов и включает в себя «истинное значение» (как область проявления содержания), и смысл (как реализацию истинного значения) [4]. Нередко исследовательская позиция учёного не требует различения смысла и значения, как это имеет место, например, в логике смысла А. Смирнова [5, с. 82]. Вместе с тем, ряд исследователей проводит демаркационную линию между этими двумя понятиями. В философских и философско-лингвистических дискурсах двадцатого столетия это имеет место у Г. Шпета, Р. Барта, М. Бахтина, Б. Рассела, Л. Витгенштейна и др. [6; 7; 8; 9; 10], а в психологической литературе – у Л. Выготского, А. Лурии, А.Н. Леонтьева, Д.А. Леонтьева [11; 12; 13; 14]. В XXI веке проблема не теряет актуальности, обретая новые аспекты

осмысления. Так, Л. Рыскельдиева обращается к анализу существующих принципов противопоставления смысла и значения, указывая на взаимодополнительность этих понятий [15], а Д. Гаспарян показывает, что установка на отождествление смысла и значения «является причиной многих неясностей, проблем и ошибок в анализе проблем ИИ» [16 с. 83].

Исследовательская позиция, основанная на различении смысла и значения, рассматривает последнее (значение) в качестве инструмента выражения и трансляции смысла. Широко и достаточно глубоко это изучено на материале текстов вербального языка, слова которого являются универсальными знаками со своими значениями. Хотя смысл текста и не возникает посредством сложения значений слов, что особо подчёркивали Г. Шпет, М. Бахтин, Э. Бенвенист, Ж. Делёз, [6; 17; 18; 1], слово может быть рассмотрено как инструмент для объективации смысла. Так, согласно М. Бахтину, значение слова, язык в целом можно понимать как «технический момент» для воплощения, «эстетического объекта», для познания (по сути – для объективации смысла) [17, с. 46, 71]. Ещё ранее роль вербального языка в формировании и трансляции смыслов особо подчёркивали М. Хайдеггер, указывающий на структуры в вербальном языке, формирующие смыслы [19], Х.-Г. Гадамер, рассматривающий язык как средство воплощения преданий, транслирующих смыслы [20]. Слово способно выполнять столь важную функцию, поскольку оно обладает значением – оно несёт в себе информацию (освоенную субъектом и социумом), позволяющую смысл отражать, воплощать, сообщать и транслировать.

Если предположительно рассматривать процесс смыслогенеза в филогенетическом срезе, можно заметить, что будучи инструментом воплощения смысла, само слово, несущее в себе значение, изначально возникает из смысла, проявляющегося как особое состояние субъекта, сфокусировавшего своё внимание на чем-то значимом (потребном). Данная точка зрения перекликается с концепциями развития речи, выдвинутыми Л. Выготским, А. Потебней [21, с. 71–88]. Предмет смысла (не обязательно объект) отражается на экране психики, вызывая активность сенсомоторной коры и значимые подвижки в физиологическом состоянии, он переживается. Сенсомоторная кора – понятие, раскрывающее совместное участие сенсорных и моторных структур мозга при обработке информации. Говоря иначе, ощущения любой модальности связаны с моторикой, что проявляется в активности мышц, обеспечиваемой деятельностью мотонейронов, их волокон. Одни из этих волокон иннервируют мышцы языка, горла, глаз, лица, другие – «оказывают наибольшее влияние на мотонейроны скелетных мышц, участвующих в тонких изолируемых движениях, особенно пальцев и кистей рук» [22, с. 26]. Вот почему мы даже думаем кинетически [23].

Естественно, что эта двигательная активность при обработке важной для субъекта информации проявляется в вокализации и в жесте. И надо полагать, что так рождалось праслово. При этом в нем отражалось не только интенциональное состояние субъекта – субъектный компонент смысла (состояние, связанное с отношением субъекта к объекту и сходное по ряду параметров у людей, живших в сходных условиях,

а потому сходное и в звучании), но отражался и объектный компонент (информация, связанная с предметом смысла). Данный вывод согласуется с теориями ряда зарубежных учёных. Так, М. Томаселло, выдвигая идею “совместной интенциональности”, подчёркивает особое значение для возникновения человеческих языков указательного и изобразительного жестов [24, с. 11–77]. Д. Бикертон, исследуя возникновение протоязыка у наших предков, указывает на необходимость передачи экзистенциальной информации (выходящей за пределы здесь-и-сейчас), которая сообщалась отдельной особью группе сородичей посредством звуков и жестов иконического плана [25, с. 55–58, 175–178, 240–249].

Исследование С. Воронина, охватывающее более, чем 100 языков, показало, что в звучащих словах непосредственно отражаются звучащие свойства объекта (если таковые имеются) и опосредованно – такие его стороны, как объем, масса, размер, форма и пр. [26, с. 71–73]. Следует отметить, что именно этот механизм смыслогенеза, основанный на «физиологической изоморфности» в моделировании тех или иных свойств предмета смысла в значении, обеспечивает феномен партиципации как приобщения к некоему целому, как ощущения себя частью этого целого. «Присваивая» свойства объекта, вводя их во внутренний план, субъект как бы сливается с ним, а в широком контексте – он сливается с миром, что очень важно для сохранения и совершенствования последнего. Заметим, в истории человечества имели место взгляды, согласно которым возникновение праязыка (языка Адама) было обусловлено причастностью человека к структуре мироздания, к природе самих вещей. Именно на поиск этого языка был направлен проект интеллектуального («умственного») движения XV–XVII веков [27]. Как считали люди того времени, этот язык обладал особой силой влияния на бытие человека.

В звучащем праслове (а оно сочеталось с жестом) переживаемое интенциональное состояние субъекта не только отражалось и фиксировалось психикой самого субъекта, но и транслировалось другим. Это обеспечивалось процессуальностью звучащего слова, которая располагает к со-интонированию – к своеобразному «считыванию» телесной информации, выходящей за пределы связей, к присвоению состояний тела, к «считыванию» переживания. Не случайно Л. Бернштейн предположил, что изначальное использование звуков для коммуникации было вокальным [28]. «Считывание» телесной информации (движения мышц) обеспечивало присвоение симптомов эмоциональных реакций, а следовательно вызывало эмоцию [29] и служило процессам эмпатии. Члены социума проникались сходными эмоциональными переживаниями.

Другой путь фиксации и трансляции содержания (значения) слова обусловлен активностью мышц пальцев рук (обеспечиваемой закономерностями функционирования сенсомоторной коры) и связан с возможностью отражения жеста и «стоящей» за ним информации на некой плоскости. Думается, что так возникали первые пиктограммы. Они в большей степени, чем звучащее слово, способны отражать объект (объектный компонент смысла) в плане его видимых свойств. Именно на их основе возникали иероглифы и письменные слова [30].

Как видно из изложенного материала, семантика праслова обеспечивалась и закреплялась благодаря закономерностям функционирования человеческого мозга. Изначально значение (содержание) слова переживалось/ощущалось, «отливаясь» в его звучащей и графической форме, что способствовало тождественности смысла (как состояния ответа на нечто значимое, важное) и значения (как превращённой формы этого состояния). На основе праслов, благодаря осмыслению роли их элементов (семантики корневых согласных, приставок, суффиксов, окончаний и пр.) для передачи информации объектного и субъектного планов возникали новые слова. Трансляция их содержания уже базировалась прежде всего на деятельности мышления. Способность же человеческого мозга к ассоциациям, включающим разномодальные ощущения, перцепты, жесты, возгласы и праслова, обеспечивала возникновение вербального языка [31]. Слова вербального языка запоминались и передавались другим членам социума в совместной деятельности, в обыденной жизни на основе гласной и негласной (обеспечиваемой повторяемостью сходных жизненных ситуаций) конвенциональности. Они использовались для объективации и трансляции более сложных смыслов при опоре на различные смысловые логики, различные механизмы структурирования, по поводу которых на протяжении полувека ведутся научные споры [24; 25; 32; 33]. В конце концов слово вербального языка стало представлять как условный знак (хотя шлейф естественной семантики можно обнаружить в самой его звучащей и графической форме). В смысловых процессах усиливалась функция мышления и изначальный приоритет переживания (ощущений и эмоций) ослабевал, уступая место мыслительным операциям, а слова с их значениями оказались «заточенными» прежде всего на объектный компонент смыслового феномена, на передачу информации интеллектуального плана.

Вместе с тем, закреплялись системы знаков, обслуживающие субъектный компонент смыслового феномена, призванный отражать отношение субъекта к предмету смысла, и не требующий включения слова, связанного с объектным компонентом. Эти системы знаков, базирующиеся на состояниях тела, на моторике, на разномодальных ощущениях и перцептах, обеспечивают трансляцию самого переживаемого состояния. Они лежат в основе художественных языков и текстов, в недрах которых возникают различные знаки (семантико-перцептивные универсалии, художественные символы, знаки хронотопики, метафорики и др.), знаковая природа которых, как правило, открывается лишь стороннему наблюдателю.

Наряду с естественными механизмами возникновения слов (а шире – любых знаков) и закрепления за ними семантики (значений) существовал и существует иной путь их рождения и функционирования, основанный преимущественно на конвенциональности. Таковы, например, языки науки, в которых каждый знак обладает договорным, чётко оговоренным значением, которое не требует какого-либо переживания (если не считать сенсорные системы, считывающие сам знак) для понимания передаваемой информации. Однако, следует отметить то, что даже в этом случае смысловые процессы не освобождаются полностью от субъектного компонента, связанного с переживанием человека, поскольку последний ощущал необходимость (потребность)

в создании конкретного знака, что всегда включает эмоцию. Здесь можно перефразировать В. Маяковского: «Ведь, если знаки возникают – значит – это кому-нибудь нужно?». Другое дело, что переживаемые семантические предпосылки любого искусственного знака (а они всегда имеют место и могут быть выявлены), не являются существенными для объективации сугубо объектной информации. Но переживания (как правило индивидуального характера) могут возникнуть при декодировании данной информации и понимании её. На связь понимания и переживания в науке неоднократно указывалось в литературе [34; 35].

Таким образом, изначально значение – это естественный и закономерный результат объективации смысла. Движение от смысла к значению часто характеризуется ослаблением переживания. В вербальном языке этому способствовала письменная фиксация значения посредством букв. Если значения (его объектные и субъектные элементы) первых праслов непосредственно отражались, моделировались в самой форме знаков (в звучании и в графике пиктограмм), что обеспечивало некое тождество смысла и значения, то буквенная фиксация способствовала их размежеванию. Буква, обладая договорённостью, отсылает не столько к содержанию слова, сколько к его звучанию и этимологии. Знак значения (слова), воплощённый с помощью букв, уже не моделирует изоморфно содержание значения, хотя связи с объектным и субъектным компонентами смысла ещё могут проявиться. Переживание содержания значения становится излишним для его понимания, которое зиждется на знании, на договорённости, на деятельности мышления. К абсолютному разрыву смысла и значения привела цифра: оцифрованное значение в своей форме, лишённой вообще какого-либо изоморфного моделирования, совершенно свободно от переживания как объектного, так и субъектного компонентов смыслового феномена. Именно с этими знаками работает искусственный интеллект. Но эти знаки уже не отражают смыслы в их изначальной естественной природе. Они отражают значения, с которыми искусственный разум справляется весьма успешно. Однако при этом теряется та связь с закономерностями обработки информации мозгом и психикой, которая принципиально не устранима из смысловых процессов человека как живого, чувствующего и сопереживающего существа.

Значение, «отлитое» в ту или иную форму (в тот или иной знак) может по-разному отражать объектный и субъектный элементы смысла. В своём крайнем проявлении это многие знаки формальных, точных наук и знаки искусства. Значения науки свободны от субъектного компонента смысла. При означивании научного смысла учёный исключает отражение в знаке своего отношения к объекту; он стремится отразить лишь «устройство» последнего и использует условные знаки. Смыслы науки могут быть названы смыслами-логосами. В искусстве же творец-художник воплощает в художественном произведении, прежде всего, отношение к предмету смысла, которое транслируется как переживаемое состояние. На заключительных этапах смыслогенеза это (или сходное) состояние присваивается и переживается реципиентом. Смысл в искусстве может быть назван смыслом-эмпатией. Если в смыслах науки на первый план выступает объектный компонент смыслового феномена, то в смыслах искусства

– его субъектный компонент. Если о смыслах науки сообщается, и тут важны гласная конвенциональность и деятельность мышления, то смыслы искусства транслируются благодаря включённости тела и всех уровней психики, и тут важен опыт жизненных и художественных эмоциональных переживаний. Надо полагать, что нередко наличие или отсутствие в смысловом феномене объективации и трансляции состояния переживания как раз и является критерием для различения смысла и значения.

Сущностные свойства смысла

Изложенный выше материал позволяет указать на такие его сущностные свойства, как понимание и переживание. Если говорить о понимании, то следует отметить неоднозначность и многоаспектность в его толковании, которое дают философы и герменевты (Локк, Спиноза, Лейбниц, Вольф, Кант, Гумбольдт, Шлейермахер, Гегель, Дильтей, Гуссерль, Хайдеггер, Гадамер, Шпет, Витгенштейн и др.), что отражено и обобщено в ряде работ [6; 19; 20; 35; 36; 37; 38]. Однако все учёные однозначно связывают понимание со смыслом и значениями.

Нелишне отметить, что понимание, согласно психологии, – это «психологическая специфичность мысли» [39, с. 227]. Его признаками являются: 1) «“усмотрение” отношений между элементами ситуации» (объектами-операндами, выступающими элементами некой целостной структуры); 2) наличие «органической связи» понимания «с целостными пространственно-структурными компонентами мысли» (отражающими объекты-операнды), и с символически-операционными её компонентами; 3) операции с операндами [39, с. 227–236]. Второй признак понимания однозначно свидетельствует о его связи с сенсорикой, следствием чего, по-видимому, следует считать ощущаемость (переживаемость) смысла, которая может быть различной по интенсивности. Он также отсылает к значениям/знакам (которые в концепциях философов представлены и словами вербального языка, и понятиями, и идеями, и поведенческими актами, и даже результатами деятельности сенсорного уровня психики, на котором выстраивается перцепт).

Ценный вклад в понимание понимания внесли нейронауки, разработавшие методы, позволяющие выявить электрический отклик мозга на различные когнитивные и моторные стимулы (события) – слова и фразы вербального языка, изображения, музыкально-звуковые структуры и пр. Большое количество экспериментов проведено на основе восприятия вербальной речи и представляет собой изучение реакций мозга на её семантическую и синтаксическую стороны. Эти эксперименты показали, что мозг особым образом реагирует на релевантные (отвечающие реальности, выстроенные согласно грамматическим нормам) и нерелевантные (бессмысленные, с нарушением синтаксиса или грамматики) слова и фразы [40; 41]. Феномен понимания получает таким образом объективное отражение. Следует отметить, что в подавляющем большинстве подобных экспериментов понимание не только связывают со смыслом, но и ставят знак равенства между смыслом и семантикой (или синтаксисом, закономерностями структурирования). Вместе с тем, нельзя не упомянуть об экспериментах К. Прибрама, обнаружившего при «замерах» деятельности головного мозга, избыточность ин-

формации в мозговых каналах (наличие «шума» и дополнительной «сверхреферентной» информации), что учёный и связывал со смыслом [42].

Если говорить о другом сущностном признаке смысла – его переживаемости, то следует отметить, что обычно переживание понимается как активность эмоциональной сферы. Однако переживание не сводится лишь к эмоции. Согласно психологии, переживание – это «непосредственное отражение самим субъектом своих собственных состояний...» [39, с. 381]. Эти состояния нередко ощущаемые и осознаваемые, обусловлены процессами, происходящими в субъекте как живом существе, а потому они абсолютно не доступны искусственному интеллекту. Как было показано при анализе естественного генезиса вербального значения (звучащего и письменного слова), переживание лежит в его истоках, детерминируя форму знака. Оно (как переживаемая необходимость) имеет место и в смысловых процессах, связанных с целенаправленным созданием искусственных языков. «Выпадая» из картины означивания смысловой информации, связанной только с объектным компонентом смысла (а это имеет место в науке), переживание может вновь возникнуть при декодировании информации сугубо интеллектуального плана (о чём шла речь выше). Это позволяет знанию как смыслу-значению вновь обрести тот «интенционально-эмпатический» компонент, который свойственен человеку как живому существу. Не случайно в теориях смысла ряда учёных (Гуссерля, Дильтея, Бахтина, Шпета и др.) переживание находится в фокусе исследовательского внимания.

В смысловых процессах переживание обусловлено особой ролью тела, значение которого трудно переоценить не только для переживания смысла, но и для его понимания. Согласно концепции воплощённого познания (а она в разных аспектах разрабатывалась М. Джонсоном, Д. Лакоффом, Э. Кларком и др. существует тесное взаимодействие между разумом, телом и миром [43; 44]. То, как человек ощущает мир, осмысляет его и принимает решения, во многом зависит от особенностей его тела, обеспечивающего переживаемость смысла. Интенциональное состояние, проявляющееся как подвижки во внутренних системах и органах человека, в его моторном аппарате, самым непосредственным образом связано и с эмоцией, возникающей при участии различных механизмов [29]. Эмоция же, по мнению А.Н. Леонтьева, является сигналом личностного смысла [45, с. 157].

Темпоральность – ещё одно сущностное свойство смысла, рассматриваемое в теориях ряда философов (Гуссерля [46], Эко [47], Смирнова [48] и др.). Понимаемая как временная структура смыслового феномена, она позволяет осознать его движение от переживания состояния взаимодействия субъекта с предметом смысла до объективации этого состояния в значении, от «пересечения» значений к означиваемой смысловой информации более сложного уровня (к развёрнутому тексту), а далее – от текста к пониманию и переживанию со стороны другого субъекта. Темпоральность смысла проявляется не только в коммуникационном цикле – его трансляции от адресанта к адресату, но и в методе «герменевтического круга», разработанном Шлейермахером. Её можно увидеть и в изменениях содержания, стоящего за тем или иным словом/понятием, происходящих во времени.

Нелишне заметить, что темпоральность свойственна пониманию как психическому явлению, представляющему интерес для психологии, где оно рассматривается не только в качестве результата, но и в качестве процесса, приводящего к этому результату (к пониманию смысла).

Темпоральность смысла связана с его целостностью: любой этап в процессуальной картине смысла, для того, чтобы смысл сложился, предполагает объединение с предыдущим или последующим этапами (переживание и понимание смысла требует его объективации и кодирования; объективированный смысл предполагает декодирование). Смысловое «движение по герменевтическому кругу» также призвано обеспечивать целостность смысла, объектное содержание которого и его субъектное переживание всякий раз зависят от включаемых в него элементов. Целостность находится в центре теорий смысла Э. Гуссерля, указывающего на целостное конституирование мира и времени, которое осуществляется в соединении смыслов в новые смысловые синтезы [49], А. Смирнова, рассматривающего воплощение смысла посредством вербального языка, с имманентными для него субъект-предикатными отношениями, проявляющимися в субъект-предикатном комплексе целостном по своей природе [5, с. 41].

Целостность – имманентное свойство понимания как психического процесса, что отражается в его дефиниции, изложенной выше. Так, при совершении мыслительных операций, как указывает Л. Веккер, понимание предполагает удержание в сознании осмысливаемого объекта как некой целостной структуры (структуры операндов). В процессе же мышления, приводящего к пониманию, удерживаемые сознанием операнды должны быть связаны с символично-операторными знаками [39, с. 227–236]. В противном случае смысл не состоится. От полноты охвата элементов предмета смысла зависит глубина его понимания в науке или особенности его переживания в искусстве.

Отражение отношений – это ещё одно сущностное свойство смысла, предполагающееся самим пониманием как психическим процессом (поскольку понимание как раз и заключается в выявлении отношений между операндами), и проявляющееся по-разному в разных видах деятельности. Различного рода отношения изучаются логикой. Не случайно логика смысла является квинтэссенцией смысловых теорий ряда философов (Делёза, Смирнова). В науке на этапе объективации смысла отражаются отношения между элементами исследуемого объекта, т.е. отражается только объектный компонент. В искусстве же объективируются не только такие отношения, но и отношение субъекта к объекту – субъектный элемент смысла. Отражение субъектного элемента проявляется в моделировании эмоций, которые транслируются художественным произведением (хотя о них можно и сообщить, что не является, однако, существенным для их трансляции). Отражённое и транслируемое состояние эмоционального переживания свидетельствует об отношении субъекта к предмету смысла. Косвенно и предмет смысла, и отношение к нему могут эксплицировать отношение субъекта к самому себе, к Другому, к окружающему миру. И эта ипостась смысла представляется важной в широком контексте существования человека и человечества.

Выводы

Смысл рождается в переживании интенционального акта и обусловлен закономерностями функционирования сенсомоторной коры, которые обеспечивают реализацию объектного и субъектного компонентов смыслового феномена. Объектный компонент обусловлен деятельностью сенсорного и мыслительного уровней психики; субъектный – обеспечивается прежде всего подвижками в теле и активностью эмоциональной сферы. Переживаемый смысл объективируется в значении, обретая новую форму своего существования в знаках (жесте, позе, мимике, возгласе, интонировании и пр.), одним из которых в рамках филогенеза явилось праслово, отражающее и объектный, и субъектный компоненты (что делает его универсальным знаком). Фиксируемые психикой субъектов праслова и другие знаки закрепляются в общественном сознании, обретают конвенциональность (которая уменьшает долю сенсорики в смысловых процессах, а также обеспечивает рождение искусственных знаков) и участвуют в конституировании и объективации более сложных смыслов. Именно этот, во многом «загадочный», этап смыслогенеза характеризуется проявлением различных смысловых логик и обуславливает генезис различных знаковых систем и вербальных языков с их нормами и особенностями структурирования значений.

Если в глубинных истоках генезиса смысла объектный и субъектный элементы транслировались (благодаря изоморфному психическому моделированию отдельных свойств объекта и выражению переживаемого отношения субъекта, и в этом состояла естественная семантизация), то с утверждением гласной конвенциональности оказалось возможным о них лишь сообщать. В различных ипостасях смысла, на разных этапах становления смыслового феномена, зависящего от особенностей деятельности, её целей и задач, соотношение субъектного и объектного компонентов, а также переживания и понимания различно. Например, в науке на этапе означивания смысла на первый план выступает информация об объекте, передаваемая посредством условных знаков, обуславливающих понимание объектного компонента, а в искусстве принципиально важным является трансляция субъектного компонента.

Понимание и переживание, обеспечивающие (благодаря объективации) постижение другими людьми субъектного и объектного компонентов смыслового феномена, являются сущностными его свойствами. Их соотношение всякий раз варьируется и сказывается на характере других сущностных свойств. Так, на различных этапах генезиса смысла как темпорального явления это соотношение может выступать в своих крайних проявлениях: означивание смысла возможно всецело на основе понимания (с помощью условных знаков) или переживания (посредством мимики, пантомимики и интонирования). Это соотношение влияет на характер целостности смыслового феномена: она может быть «завязана» преимущественно на элементах объекта, которые должны быть охвачены мышлением человека в их связях и отношениях во всей их полноте; однако нередко постижение смыслового феномена предполагает особую активность эмоциональной и/или сенсорной сфер, необходимо участвующих в его целостной картине. Такое свойство смысла, как отражение отношений также испы-

тывает влияние особенностей соотношения понимания и переживания. Так, в науке принципиально важным является понимание отношений между элементами предмета смысла, в искусстве – важна трансляция состояния переживаемого отношения субъекта к этому предмету.

Приоритет гласной конвенциональности и широкое использование в связи с этим условных знаков способствуют тому, что в смысловых процессах уменьшается доля естественной семантизации. А потому человек теряет способности партиципации (приобщения, сопричастности к миру и ощущения себя частью этого мира) и эмпатии (сопереживания Другому), что весьма пагубно для судеб человечества. Усиление эффектов трансляции смысла требует особого подхода к образованию, в лоне которого важна опора на методы и технологии, актуализирующие сенсорную и эмоциональную сферы в познавательных актах. Не менее важным является и обращение к высокому искусству, обеспечивающему естественную семантизацию.

Список литературы

1. Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я.И. Свирского. М., 1998. 480 с.
2. Ogden C.K. & Richards I.A. The Meaning of Meaning. A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism. Harcourt, Brace & World, Inc. New York, 1923. 363 p.
3. Барезев К. В. Смысл как критическое истолкование понятия сущности : автореф. дисс. ... канд. философских наук : 09.00.01. Санкт-Петербург, 2000. 21 с.
4. Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.
5. Смирнов А.В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М.: Языки славянской культуры, 2015. 712 с.
6. Шпет Г. Г. Явление и смысл: феноменология как основная наука и её проблемы (1914). Томск: Водолей, 1996. 192 с.
7. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: “за” и “против”. М. : Прогресс, 1975. С. 138-139.
8. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
9. Рассел Б. Исследование значения и истины. М.: Идея-Пресс, 1999. 399 с.
10. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Издательство иностранной литературы. 1958. 132 с.
11. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. 323 с.
12. Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Наука, 1974. 172 с.
13. Леонтьев А. Н. Философия психологии. Из научного наследия / под ред. А. А. Леонтьева, Д.А.Леонтьева. М. : Изд-во МГУ, 1994. 228 с.
14. Леонтьев Д. А. Психология смысла : природа, строение и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 1999. 487 с.

15. Рыскельдиева Л.Т. О грамматике и метафизике смысла // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 70-80.
16. Гаспарян Д.Э. Таинство естественной семантики: трансцендентальное измерение смысла и проблема искусственного интеллекта // Вопросы философии. 2017. № 4. С.81-94.
17. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики : Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
18. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: УРСС, 2002. 448 с.
19. Хайдеггер М. Присутствие и речь. Язык // Бытие и время [Электронный ресурс]. URL: https://heidegger.ru/wp-content/uploads/2019/09/heidegger_bytie_i_vremya_screen.pdf от 12.04.2024.
20. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
21. Завершнева Е.Ю. «Сознание без слова»: Л.С. Выготский о доречевом горизонте человека // Электронная библиотека. С. 71 - 88. URL: [https://psychlib.ru/mgppu/periodica/VP052016/ZSb-17.htm#\\$p71](https://psychlib.ru/mgppu/periodica/VP052016/ZSb-17.htm#$p71)
22. Рощина Л.В. Влияние чрескожной электрической стимуляции спинного мозга на функциональное состояние моторной системы человека. Дисс. ... канд. биол. наук. 03.03.01 – Физиология. Великие Луки, 2021. 142 с.
23. Seitz J. The Bodily Basis of Thought. *New Ideas in Psychology* 18 (2000). Pp. 23-40.
24. Томаселло М. Истоки человеческого общения / Пер. с англ. М.В. Фаликман, Е.В. Печенковой, М.В. Сеницыной, А.А. Кибрик, А. И. Карпухиной. М.: Языки славянских культур, 2011. 328с.
25. Бикертон Д. Язык Адама: Как люди создали язык, как язык создал людей / Пер. с англ. О. Кураковой, А. Карпухиной, Е. Прозоровой. М.: Языки славянских культур, 2012. 336 с.
26. Воронин С.В. Основы фоносемантики / предисл. О.И. Бродович. Изд. 2-е, стереотипное. М.: ЛЕНАНД, 2006. 248 с.
27. Карабыков А.В. Греза Ренессанса: Язык Адама в европейской культуре XV–XVII веков. СПб.: Издательство РХГА, 2022. 215 с.
28. Bernstein L. *The Unanswered Question: Six Talks at Harvard*. Harvard University Press, Cambridge, Ma. 1976.
29. Гарипова Н.М. Психологические истоки эмоциогенности музыки // Вопросы психологии. 2011. № 4. С.78-86.
30. Недель А.Ю. Как язык научился думать? Первоэлементы в языке и мышлении древних цивилизаций (на материале китайского, египетского и армянского языков) // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 176-188.
31. Benedetti G. *Peyohe and Biologie*. Stuttgart, 1975. 222 s.
32. Chomsky N. *Syntactic Structures*. Mouton &Co. 1957. 117 pp.
33. Пинкер С. Языковой инстинкт: Как разум создаёт язык / Пер. с англ. Н. Пучко-

- вой. М.: Альпина нон-фикшн, 2024. 562 с.
34. Гарипова Н.М. О смыслах смысла и его ипостасях // Социология. 2020. № 1. С. 210-221.
35. Косилова Е.В. Понимание как переживание // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2021. №2. С. 50-63.
36. Огурцов А. П., Абушенко В. Л., Бернштейн В. О., Голдберг Ф. Н. Понимание / Гуманитарный портал : Концепты // Центр гуманитарных технологий, 2002–2023 [Электронный ресурс] (последняя редакция: 08.12.2023). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7378>
37. Шлейермахер Ф. Д. Герменевтика / пер. с нем. А.Л. Вольского. СПб.: Европейский Дом, 2004. 242 с.
38. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. 1913. “Электронная библиотека по философии - <http://filosof.historic.ru>». 395 с.
39. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. 685 с.
40. Kutas, M. & Federmeier, K. Electrophysiology reveals semantic memory use in language comprehension. Trends Cogn. Sci. 2000. № 4. Pp. 463–470.
41. Марьина И.В., Стрелец В.Б. Влияние смыслового содержания вербальных стимулов и их значимости на вызванные потенциалы мозга. Физиология высшей нервной (психической) деятельности человека. 2010. Т. 60. № 1. С. 22-31.
42. Pribram K. H. Brain Mechanism in Music: Prolegomena for a Theory of the Meaning of Meaning. In Music, Mind, and brain. M. Clynes (Ed). New-York: Plenum. 1982. Pp. 21-36.
43. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / перевод с английского А.Н.Баранова и А.Б.Морозовой. Под редакцией и с предисловием А.Н.Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
44. Clark A. An Embodied Cognitive Science? // Trends in Cognitive Sciences. 1999. Vol. 3. No 9. Pp. 345 - 351.
45. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Позитиздат, 1977. 304 с.
46. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени // Собрание сочинений. Т. 1. М.: Риг «Логос» Издательство Гносис, 1994. 102 с.
47. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. А.Г. Погоняйло, В.Г. Резник. СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.
48. Смирнов А.В. Логика смысла. Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М.: Языки славянской культуры, 2001. 504 с.
49. Гуссерль Э. Картезианские размышления // Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Минск: Харвест; Москва: Аст, 2000. 452 с. URL: <https://refdb.ru/look/1312695-pall.html> от 01.03.2024.

Сведения об авторе

Гарипова Наталья Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент, г. Ялта, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал в г. Ялте) Крымского федерального университета им. В.И.Вернадского, г. Симферополь. Доцент кафедры музыкальной педагогики и исполнительства.

E-mail: natamigo@rambler.ru

Garipova N. M.

ON MEANING, ITS GENESIS AND ESSENTIAL PROPERTIES

Abstract: *The article examines meaning in a number of its manifestations that are of interest to various sciences; the genesis of meaning in phylogenesis and the stages of formation of a meaning phenomenon in ontogenesis are considered. The study of meaning as a temporal phenomenon made it possible to: detect differences in the objectification of meaning determined by the goals and objectives of activity; clarify some aspects of the relationship between meaning and sense (significance); identify the priority of meaning over sense (significance); to explicate the role of “letter” and “number” in information processes that involve artificial intelligence in their orbit and come into conflict with the nature of meaning as a phenomenon not only understood, but also experienced. Consideration of the mechanism of the meaning phenomenon made it possible to see a number of its essential properties, as well as to highlight its objective and subjective elements - information that is objectified and transmitted to others. This information can be communicated thanks to conventional signs (with their rigid semantics), or/and psychophysiologicaly transmitted (providing empathy and feeling like you are part of the world). Understanding meaning genesis contributes to the development of educational technologies that cultivate the human in a person in the process of mastering the valuable experience of mankind, and sets the trend for the spiritual improvement of society.*

Keywords: *meaning and sense (significance); genesis of meaning in phylogeny; sense (significance) as objectification of meaning; sense (significance) as a tool for expressing meaning; object and subject components of the meaning phenomenon; features of objectification and transfer to others of object and subjective components of meaning.*

References

1. Delez Zh. Logika smysla / per. s fr. Ya.I. Svirskogo. M., 1998. 480 s.
2. Ogden C.K. & Richards I.A. The Meaning of Meaning. A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism. Harcourt, Brace & World, Inc. New York, 1923. 363 p.
3. Barezhev K. V. Smysl kak kriticheskoe istolkovanie ponyatiya sushchnosti : avtoref.

- diss. ... kand. filosofskih nauk : 09.00.01. Sankt-Peterburg, 2000. 21 s.
4. Frege G. Logika i logicheskaya semantika: sbornik trudov. M.: Aspekt Press, 2000. 512 s.
 5. Smirnov A.V. Soznanie. Logika. Yazyk. Kul'tura. Smysl. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2015. 712 s.
 6. Shpet G. G. Yavlenie i smysl: fenomenologiya kak osnovnaya nauka i eyo problemy (1914). Tomsk: Vodolej, 1996. 192 s.
 7. Bart R. Osnovy semiologii // Strukturalizm: "za" i "protiv". M. : Progress, 1975. S. 138-139.
 8. Bahtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1979. 423 s.
 9. Rassel B. Issledovanie znacheniya i istiny. M.: Ideya-Press, 1999. 399 s.
 10. Vitgenshtejn L. Logiko-filosofskij traktat. M.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury. 1958. 132 c.
 11. Vygotskij L.S. Myshlenie i rech'. M.; L.: Socekiz, 1934. 323 s.
 12. Luriya A. R. Ob istoricheskom razvitanii poznavatel'nyh processov. M.: Nauka, 1974. 172 s.
 13. Leont'ev A. N. Filosofiya psihologii. Iz nauchnogo naslediya / pod red. A. A. Leont'eva, D.A.Leont'eva. M. : Izd-vo MGU, 1994. 228 s.
 14. Leont'ev D. A. Psihologiya smysla : priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti. M. : Smysl, 1999. 487 s.
 15. Ryskel'dieva L.T. O grammatike i metafizike smysla // Voprosy filosofii. 2018. № 7. S. 70-80.
 16. Gasparyan D.E. Tainstvo estestvennoj semantiki: transcendental'noe izmerenie smysla i problema iskusstvennogo intellekta // Voprosy filosofii. 2017. № 4. S.81-94.
 17. Bahtin M. Voprosy literatury i estetiki : Issledovaniya raznyh let. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1975. 504 s.
 18. Benvenist E. Obshchaya lingvistika. M.: URSS, 2002. 448 s.
 19. Hajdegger M. Prisutstvie i rech'. Yazyk // Bytie i vremya [Elektronnyj resurs]. URL: https://heidegger.ru/wp-content/uploads/2019/09/heidegger_bytie_i_vremya_screen.pdf ot 12.04.2024.
 20. Gadamer H.-G. Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenevtiki. M.: Progress, 1988. 704 s.
 21. Zavershneva E.Yu. «Soznanie bez slova»: L.S. Vygotskij o dorechevom gorizonte cheloveka // Elektronnaya biblioteka. S. 71 - 88. URL: [https://psychlib.ru/mgppu/periodica/VP052016/ZSb-17.htm#\\$p71](https://psychlib.ru/mgppu/periodica/VP052016/ZSb-17.htm#$p71)
 22. Roshchina L.V. Vliyanie chreskozhoj elektricheskoy stimulyacii spinnogo mozga na funkcional'noe sostoyanie motornoj sistemy cheloveka. Diss. ... kand. biolog. nauk. 03.03.01 – Fiziologiya. Velikie Luki, 2021. 142 s.
 23. Seitz J. The Bodily Basis of Thought. New Ideas in Psychology 18 (2000). Pp. 23-40.
 24. Tomasello M. Istoki chelovecheskogo obshcheniya / Per. s angl. M.V. Falikman, E.V. Pechenkovej, M.V. Sinicynoj, A.A. Kibrik, A. I. Karpuhinoj. M.: Yazyki slavyanskih

- kul'tur, 2011. 328 s.
25. Bikerton D. Yazyk Adama: Kak lyudi sozdali yazyk, kak yazyk sozdal lyudej / Per. s angl. O. Kurakovoj, A. Karpuhinoy, E. Prozorovoj. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2012. 336 s.
 26. Voronin S.V. Osnovy fonosemantiki / predisl. O.I. Brodovich. Izd. 2-e, stereotipnoe. M.: LENAND, 2006. 248 s.
 27. Karabykov A.V. Greza Renessansa: Yazyk Adama v evropejskoj kul'ture XV–XVII vekov. SPb.: Izdatel'stvo RHGA, 2022. 215 s.
 28. Bernstein L. The Unanswered Question: Six Talks at Harvard. Harvard University Press, Cambridge, Ma. 1976.
 29. Garipova N.M. Psihologicheskie istoki emociogenosti muzyki // Voprosy psihologii. 2011. № 4. S.78-86.
 30. Nedel' A.Yu. Kak yazyk nauchilsya dumat'? Pervoelementy v yazyke i myshlenii drevnih civilizacij (na materiale kitajskogo, egipetskogo i armyanskogo yazykov) // Voprosy filosofii. 2016. № 8. S. 176-188.
 31. Benedetti G. Peyohe and Biologie. Stuttgart, 1975. 222 s.
 32. Chomsky N. Syntactic Structures. Mouton &Co. 1957. 117 pp.
 33. Pinker S. Yazykovoju instinkt: Kak razum sozdayot yazyk / Per. s angl. N. Puchkovoj. M.: Al'pina non-fikshn, 2024. 562 s.
 34. Garipova N.M. O smyslah smysla i ego ipostasyah // Sociologiya. 2020. № 1. S. 210-221.
 35. Kosilova E.V. Ponimanie kak perezhivanie // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. 2021. №2. S. 50-63.
 36. Ogurcov A. P., Abushenko V. L., Bernshtejn V. O., Goldberg F. N. Ponimanie / Gumanitarnyj portal : Koncepty // Centr gumanitarnyh tekhnologij, 2002–2023 [Elektronnyj resurs] (poslednyaya redakciya: 08.12.2023). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7378>
 37. Shlejermaher F. D. Germenevtika / per. s nem. A.L. Vol'skogo. SPb.: Evropejskij Dom, 2004. 242 s.
 38. Gusserl' E. Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoj filosofii. 1913. "Elektronnaya biblioteka po filosofii - <http://filosof.historic.ru>». 395 s.
 39. Vekker L.M. Psihika i real'nost': edinaya teoriya psihicheskikh processov. M.: Smysl, 1998. 685 s.
 40. Kutas, M. & Federmeier, K. Electrophysiology reveals semantic memory use in language comprehension. Trends Cogn. Sci. 2000. № 4. Pp. 463–470.
 41. Mar'ina I.V., Strelec V.B. Vliyanie smyslovogo sodержaniya verbal'nyh stimulov i ih znachimosti na vyzvannye potentsialy mozga. Fiziologiya vysshej nervnoj (psihicheskoj) deyatel'nosti cheloveka. 2010. T. 60. № 1. S. 22-31.
 42. Pribram K. H. Brain Mechanism in Music: Prolegomena for a Theory of the Meaning of Meaning. In Music, Mind, and brain. M. Clynes (Ed). New-York: Plenum. 1982. Pp. 21-36.

43. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metaforы, kotorymi my zhivem / perevod s anglijskogo A.N.Baranova i A.B.Morozovoj. Pod redakciej i s predisloviem A.N.Baranova. M.: Editorial URSS, 2004. 256 s.
44. Clark A. An Embodied Cognitive Science? // Trends in Cognitive Sciences. 1999. Vol. 3. No 9. Pp. 345 - 351.
45. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. 2-e izd. M.: Pozitizdat, 1977. 304 s.
46. Gusserl' E. Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni // Sobranie sochinenij. T. 1. M.: Rig «Logos» Izdatel'stvo Gnosis, 1994. 102 s.
47. Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu / per. A.G. Pogonyajlo, V.G. Reznik. SPb.: Petropolis, 1998. 432 s.
48. Smirnov A.V. Logika smysla. Teoriya i ee prilozhenie k analizu klassicheskoj arabskoj filosofii i kul'tury. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001. 504 s.
49. Gusserl' E. Kartezijskie razmyshleniya // Krizis evropejskih nauk i transcendental'naya fenomenologiya. Minsk: Harvest; Moskva: Ast, 2000. 452 s. URL: <https://refdb.ru/look/1312695-pall.html> ot 01.03.2024.

Garipova Natalya M. – Ph.D, docent (assistant professor) of department of Musical Pedagogy and Performing. Humanitarian-Pedagogical Academy. V.I. Vernadsky Crimean Federal University (branch in Yalta), Simferopol.

E-mail: natamigo@rambler.ru